

Что к чему и почему?

Все три недели, прошедшие с нашей первой встречи с Галюковым, меня грызли сомнения, правильно ли я поступил, откликнувшись на его звонок, а затем пересказав сообщение отцу? Ведь это был чистой воды донос на старых товарищей отца. Отец мне не очень поверил. Если бы поверил, то и действовал бы иначе, не уехал бы из Москвы, собрал вокруг себя верных людей, а их нашлось бы немало. Теперь, после звонка из Москвы, сомнения отпали, донос обернулся правдой, а товарищи отца оказались не такими уж и товарищами. Сомнения отпали, но недоумение, почему отец поступил столь нелогично, осталось. Только значительно позже я понял истоки его поведения.

Итак, поверил ли отец сообщению Галюкова? Теперь мне кажется, скорее да, чем нет. Возможно, не до конца. Сомневался. Хотелось ошибиться. Ведь все они не только соратники, но и друзья. С отцом связаны их приход во власть, первые назначения, они вместе работали до войны, вместе прошли войну, вместе вернулись к мирному труду. Он их перетаскил с Украины в Москву, видел в них твердую опору, людей, которым можно доверять. И тут такое... Но они же политики!.. Так почему же отец даже не попытался всесторонне проверить информацию, полученную от Галюкова? Беседу с Микояном нельзя принимать всерьез. Такое поведение совсем не в характере отца, человека энергичного и решительного.

В 1957 году в аналогичной ситуации он оперативно привлек на свою сторону армию и госбезопасность, правда Галюков сообщил, что Семичастный в стане противника. Ну а Малиновский? Отец имел все основания на него рассчитывать. Позволю себе напомнить читателям, что в 1943 году после самоубийства члена Военного совета армии Ларина, когда Сталин уже занес топор над головой ее командующего Малиновского, отцу с большим тру-

дом удалось отвести удар. Малиновский об этом знал и, надо отдать ему должное, в ответ на предварительный зондаж Шелеста, ответил однозначно, что «вмешиваться в решения внутриполитических проблем он не станет».

Однако отец даже не позвонил ему... Он уехал из Москвы, предоставляя своим противникам свободу действий. Такому поведению можно дать единственное объяснение: он просто не хотел сопротивляться.

Но почему?

Видимо, дело в том, что после своего семидесятилетия отец всерьез собрался уходить. Тогда все сходится. В такой ситуации отцу приходилось выбирать между никому неизвестным бывшим охранником и своими много раз проверенными товарищами. О его психологическом состоянии можно судить по такому, на первый взгляд, незначительному эпизоду. Дмитрий Степанович Полянский, заместитель председателя правительства, замещавший отца на время отпуска, в одном из своих интервью вспоминал о разговоре с Хрущевым по телефону. Отец из Пицунды позвонил исполняющему обязанности Председателя Совета Министров по какому-то сиюминутному делу. В заключение разговора, прощаясь, он задал, казалось бы, нейтральный вопрос:

– Ну как вы там без меня?

– Все нормально, – ответил Полянский, – ждем вас.

– Так уж и ждете? – с грустной иронией переспросил отец.

Интуиция политика взывала к борьбе, но отцу очень не хотелось полагаться на интуицию.

А теперь допустим, он отбросил бы сомнения и ввязался в драку. Обстановка в 1964 году коренным образом отличалась от 1957 года. Тогда он сражался с открытыми сталинистами, речь шла о том, по какому пути двигаться дальше: сталинскому или общечеловеческому. От исхода битвы зависела судьба страны. Отец принял бой и победил.

Сейчас же в Президиуме ЦК сидят его соратники, люди, которых он сам отбирал все эти семь лет. Нет, он не считал их идеальными, на ближайшем Пленуме собирался кое-кого заменить, но тем не менее... Они вместе делали одно дело, хуже или лучше, но одно и вместе. Теперь их обвинили в том, что они решили поторопить естественный ход событий, получить сегодня то, что и так предназначалось им завтра. И сразиться с ними?! Со своими?! За что?!

Я не принимаю во внимание, что в 1964 году отец победить не мог. Его не поддерживал ни аппарат, ни армия, ни КГБ – реальные участники спектакля, ни народ, которому отводилось место в зрительном зале, отгороженном от сцены глубокой «оркестровой ямой». Время отца прошло. Но он-то об этом не знал.

А что же ожидало отца и страну в случае победы?

Логика борьбы бескомпромиссна. Победитель обязан устранить с политической арены побежденных. Сталин решал вопрос «кардинально», в цивилизованном мире поражение означает отставку, переход в оппозицию. Итак, победителю-отцу предстояло бы устранить от дел своих ближайших соратников, тех, кого он подбирал последние годы, тех, кому собирався передать власть.

А дальше? Дальше пришлось бы искать новых все там же, вблизи от вершины властной пирамиды. Снова искать там, где он уже отобрал, по его мнению, лучших. Вздуроражить страну и после всего этого уйти в отставку, оставив страну на этих, на новых. Неизбежно возникала мысль: «А будут ли они лучше старых? Стоит ли игра свеч?» Видимо, отец посчитал, что лучше положиться на судьбу и не вмешиваться в естественное течение событий.

При таком предположении отъезд в Пицунду – логически объяснимый шаг. Как и оставленный без последствий разговор Галюкова со мной... И Подгорный, наделенный на эти дни всей полнотой власти... И телефонный разговор с Полянским, которому он издали погрозил пальчиком... Отец не хотел действовать. Если Галюков ошибся – тем лучше, не

придется возводить напраслину на друзей. Если нет, то пусть будет что будет. Он готов уйти...

Я никогда не говорил на эту тему с отцом. Слишком болезненными для него оставались воспоминания об октябрьских днях 1964-го. Но сам я много думал о событиях тех недель. Иного объяснения я не нахожу. Возможно, кто-то думает иначе. Его право. Нам остаются только домыслы, догадки, логические построения. Правда ушла вместе с отцом.